

Подмарицын Алексей Геннадьевич

**ЦЕРКОВНОЕ ПЕНСИОННОЕ И ДЕНЕЖНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАШТАТНОГО,
РЕПРЕССИРОВАННОГО ДУХОВЕНСТВА И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

В статье анализируются формы денежного обеспечения заштатного и репрессированного духовенства, членов их семей в послевоенный период со стороны центральных и местных институтов РПЦ. К их числу относились (не)официальные пенсии, единовременные, регулярные и постоянные выплаты. Впервые публикуются светские и церковные архивные свидетельства, показывающие источники, формы и размер денежных выплат. Уточнены категории лиц, получавших официальное и неофициальное вспомоществование от церковных администраторов, организаций и учреждений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/7-1/37.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. I. С. 138-140. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 281.938+908.470.5

Исторические науки и археология

В статье анализируются формы денежного обеспечения заштатного и репрессированного духовенства, членов их семей в послевоенный период со стороны центральных и местных институтов РПЦ. К их числу относились (не)официальные пенсии, единовременные, регулярные и постоянные выплаты. Впервые публикуются светские и церковные архивные свидетельства, показывающие источники, формы и размер денежных выплат. Уточнены категории лиц, получавших официальное и неофициальное вспомоществование от церковных администраторов, организаций и учреждений.

Ключевые слова и фразы: Русская Православная Церковь; репрессированное духовенство; церковные пенсии; региональная церковная история; Средне-Волжский регион.

Подмарицын Алексей Геннадьевич, к.и.н.

Самарский государственный университет

algerpod@yandex.ru

**ЦЕРКОВНОЕ ПЕНСИОННОЕ И ДЕНЕЖНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ЗАШТАТНОГО, РЕПРЕССИРОВАННОГО ДУХОВЕНСТВА
И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД[©]**

В ходе реализации декрета совнаркома РСФСР от 23 января 1918 г. духовенство, как эксплуататорский элемент, было лишено пенсионного обеспечения. В 1948 г., в рамках реституции необходимых церковных институтов РПЦ было разрешено создать Пенсионный комитет при Московской Патриархии, в целях обеспечения заштатных клириков и членов их семей. Одобренное 21 февраля распоряжением СМ СССР «Положение о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям Русской православной церкви» предусматривало организацию специального Фонда для вдов и малолетних сирот. Таким образом, Московская патриархия (МП) пыталась помочь в первую очередь семьям репрессированных, лишенных советским государством каких либо форм социальной поддержки.

Право на получение церковной пенсии имели не все духовные лица, находящиеся за штатом. Те из них, кто подвергался и выжил во время репрессий, по негласному запрещению советских властей, лишался получения и церковной пенсии. Лицемерие советского гуманизма ярко проявилось в принятии на заседании совета по делам РПЦ при СМ СССР 25 декабря 1948 г. Дополнения к «Положению о пенсиях», в котором «Московской Патриархии было рекомендовано не назначать пенсий семьям тех церковнослужителей, которые отбывают срок наказания, поражены в правах или умерли во время отбывания срока лишения свободы» [5, с. 137].

Средства Пенсионного комитета составлялись из целевых епархиальных поступлений и ряда обязательных сборов-платежей. К последним относились отчисления от доходов приходского духовенства, отчисления от приходов, взносы в Пенсионный фонд с каждой награды священнослужителей. Например, в 1948 г. из Чкаловского епархиального управления поступило в Пенсионный фонд МП 10 320 рублей, в том числе от наград духовенства – 1320 рублей, от причтов – 3000 рублей, от церквей – 6000 рублей [1, д. 371, л. 23]. Само епархиальное управление внесло в Пенсионный фонд МП 16 000 рублей [Там же, л. 24]. Наградные суммы, направлявшиеся в Пенсионный фонд, не были тарифицированы. Однако канцелярия МП, напоминая епархиальному начальству о состоявшихся от Патриарха Алексия I наградах местному духовенству, приводило примерные суммы. 24 марта 1950 г. канцелярия Патриарха извещала местных преосвященных, что «по Московской области приняты в обычае такие взносы за награды: за митру – 1.500 руб.; за крест с украшениями – 1.000 руб.; за палицу – 700 руб.; за протоиерейство – 500 руб.; за наперсный крест – 300 руб. Все эти средства идут на святое дело помощи бедному духовенству» [4, д. 282, л. 51].

В течение 1949-1957 гг. Пенсионный комитет МП выплатил пенсий духовенству и материальной помощи верующим 75,2 млн рублей [6, с. 357].

Официальная церковная пенсия в послевоенный период оформлялась следующим образом. В том случае, когда на прошение на пенсию подавал клирик, выходивший за штат, к нему прикладывался послужной список. Документ содержал: фотографию (не всегда), сведения метрического, образовательного характера, данные о совершителях и времени хиротоний, отношения к церковным расколам, церковным и светским судимостям, список мест служения и работы, текущую характеристику от благочинного и / или архиерея. Если проситель пребывал в каком-либо расколе, то это время не засчитывалось в служебный стаж. У просителя могли сохраниться другие документы о служении, с которых снимались копии и прикладывались к прошению на имя архиерея. Такими документами являлись грамоты о хиротонии(-ях), консисторские и архиерейские указы, справки, отпускные грамоты, заверенные сельсоветами свидетельства сельчан о службе в том или ином сельском приходе. В отношении последней разновидности документации необходимо учитывать два обстоятельства: первое – дореволюционные архивы в 30-50-х гг. находились в ведомстве НКВД / МВД и взять выписку из клировых ведомостей было делом невозможным; второе обстоятельство заключалось в том, что в силу постоянного уничтожения органами ОГПУ / НКВД епархиальных и личных архивов архиереев во время массовых репрессий довоенного времени, церковного делопроизводства этого периода просто не сохранилось. Поэтому в послевоенное время появились эти удивительные свидетельства верующих

сельчан-колхозников о своих пастырях. Подписи обычно заверял секретарь сельсовета. В качестве достоверного свидетельства перед епархиальными властями также принимались заявления местных клириков о том, что они знали о хиротонии и служении просителя в таком-то месте в такое-то время.

На основании прошения на назначение пенсии, послужного списка и если они были, сопутствующих документов, архиерей (в епархиях, где его не было по каким-либо причинам – Епархиальный совет) направлял в Пенсионный комитет МП форму под названием «сведения на получение пенсии заштатному священнослужителю по (титул) епархии» и копии других документов (при их наличии). Документ содержал сведения: ФИО, сан, год рождения, об отсутствии светской пенсии, адрес проживания. В разделе прохождение службы указывалось общее число лет епархиальной службы, и если были репрессии, то число лет в заключении / ссылке, например: «Общее число лет епархиальной службы 28 лет и 8 лет ссылки» [4, д. 419, л. 206]. В перечне мест служения погодно указывались места и должность служения, например «1921-1923 гг. – настоятель церкви с. Ельцовки, Бийской епархии» [Там же]. Указывалось, если были, время заключения и статья – «1933-1941 гг. – был в заключении по 58 ст.» [Там же]. Последний раздел сведений содержал перечень копий документов, послуживших основой для сведений в Пенсионный комитет МП. В случае с заштатным клириком это обязательно был послужной список и, например, «2) несколько копий Указов о прохождении прот. С. Катыкиным службы в Куйбышевской и Оренбургской епархиях» [Там же, л. 206 об.].

Если прошение на церковную пенсию подавала вдова (чаще) или член семьи (реже) умершего на свободе клирика, то сведения могли иметь следующий вид. В титуле документа указывалось – на получение пенсии вдове священника (протоиерея, протодиакона, диакона либо псаломщика) по (титул) епархии. В первом разделе указывались ФИО просительницы, год рождения, отсутствие светской пенсии, адрес проживания. Второй раздел включал сведения об умершем священнослужителе: ФИО покойного клирика, год рождения, сан, общее число лет епархиальной службы. Третий раздел, содержащий перечень мест служения, идентичен рассмотренному выше. В документах, послуживших составлению сведений, могли быть упомянуты: «1) Личное и пенсионное дело священника И. Туберозова. 2) Копия свидетельства о смерти священника И. Туберозова» [Там же, л. 204 об.].

В отношении прошений на получение церковных пенсий родственников репрессированных и реабилитированных в конце 50-х гг. священнослужителей дело обстояло следующим образом. По состоявшейся реабилитации, репрессированный оправдывался, и его родственникам выписывалось свидетельство о смерти, зачастую с фальшивой датой. На основании этих документов родственникам погибших местными церковными органами выплачивалось пособие. Куйбышевский епархиальный совет 5 октября 1959 г. рассматривал два прошения вдов реабилитированных священников о выдаче им единовременного пособия. Совет при этом опирался на «указание Хозяйственного управления о выдаче пособий в размере 2-х месячного заработка вдовам умершего в заключении, а потом реабилитированного священника» [Там же, л. 52]. Упомянутая сумма была определена на месте епископом Куйбышевским Митрофаном как «пособие за реабилитированных священнослужителей, служивших в городских приходах, в размере 4000 рублей» [Там же, л. 81].

Далее вдова подавала прошение о назначении ей церковной пенсии на имя архиерея той епархии, где она жительствоваала. К прошению прикладывались копии справки о реабилитации и свидетельства о смерти. В титуле сведений для МП указывалось: «на получение пенсии вдове протоиерея по (титул) епархии». Раздел первый содержал упоминавшиеся сведения о просительнице, второй – об убиенном клирике, с указанием общего числа лет епархиальной службы, лет в заключении, с прибавлением фразы «с последующей реабилитацией» [Там же, л. 205]. В третьем разделе погодно указывались места и должность служения, годы заключения (по справке) и год смерти (по свидетельству о смерти), с обязательным указанием на реабилитацию [Там же, л. 205 об.]. Далее правящий архиерей направлял ходатайство в Пенсионный комитет МП.

Собранные в процессе оформления документы составляли пенсионное дело, хранившееся по месту получения пенсии. Если заштатный клирик-пенсионер возвращался к служению, выплата пенсии прекращалась. Если получатель церковной пенсии выезжал из епархии, то пенсионное дело пересылали в епархиальное управление по новому месту жительства.

В 50-х гг. пенсия выплачивалась из средств местного епархиального управления. Её размеры зависели от числа лет служения в определенном сане. Список пенсионеров Куйбышевского епархиального управления 1962-1963 гг. дает следующие размеры ежемесячной пенсии (в дензнаках 1961 г.). Единственный архиерей-пенсионер, бывший архиепископ Ульяновский и Мелекесский Иоанн (Братолобов), получал 120 рублей в месяц. Протоиереи получали: 14,70; 20; 30; 35; 37; 39; 40; 43; 45; 46; 50 рублей. Их вдовы, как правило, получали половину пенсии умершего мужа: 17; 20; 22,50; 30 рублей. Упомянется о пенсии протоиерейской дочери размером в 11 рублей 70 копеек [Там же, д. 420а, л. 1-6]. Иереи получали в том же году пенсии следующих размеров: 15; 17; 30; 34,40; 35; 43; 50 рублей. Их вдовы – 12,40; 15; 17,50; 20; 22,50; 25 рублей. Упомянуто о пенсии иерейской дочери размером в 6 рублей 70 копеек [Там же].

Единственный в том году иеромонах-пенсионер получал пенсию в 30 рублей, что вполне сравнимо со средней пенсией белых священников. Два протодиакона получали соответственно 25 и 35 рублей, а протодиаконская вдова – 15 рублей. Псаломщики-пенсионеры имели пенсии в 10 и 15 рублей, а псаломщические вдовы – 12,50 и 10 рублей. Кроме того, упоминаются матери иеромонаха и диакона, чья пенсия составляла по 10 рублей в месяц [Там же].

Необходимо учитывать, что с церковных пенсий советское государство брало подоходный налог. «Церковное руководство пыталось добиться общего снижения налогов с доходов духовенства, в частности с пенсий престарелых церковно- и священнослужителей, и СДРПЦ в этом поддерживал Церковь. Так, в поддержку прошения патриарха Алексия от 7 апреля 1954 г. Совет обращается в Совмин СССР с ходатайством передать этот вопрос на рассмотрение Министерства финансов, а 6 мая 1957 г. СДРПЦ обращается в Совмин с предложением

отменить налогообложение пенсий духовенства, указывая, что русское духовенство и так обложено сверх-налогами, а пенсии у него мизерные: 1200 руб. в год у епископов и 225–500 руб. у духовенства за 50-летнее служение; члены семей скончавшихся священнослужителей получают по 175–300 руб. в год» [3, с. 259].

Уже упоминалось, что по ряду причин, некоторым группам духовенства и верующих (в первую очередь монашествующих) церковная пенсия не полагалась. Иногда приходы с ведома настоятеля назначали единовременное, периодическое или постоянное пособие таковым лицам. С конца 50-х гг., в силу очередного прямого запрета со стороны государства, некоторые архиереи специально проводили кампании по прекращению разного рода выплат на епархиальном и на приходском уровнях [2, с. 120]. В начале 1960 г., по указанию временноуправляющего Куйбышевской епархией архиепископа Палладия были прекращены все виды выплат церквями г. Куйбышева. Монахиня Мария (Жукова), получавшая денежную помощь от Покровского кафедрального собора, 23 февраля 1960 г. обратилась к преосвященному Палладию с заявлением. «Я, безродная и престарелая монахиня, в бытность прежних архиепископов в гор. Куйбышеве имела по их распоряжению денежную помощь. Последний раз я получила за январь 1960 г., а потом мне отказали. Прошу Вашего соблагovolения о продолжении мне денежной помощи» [4, д. 418, л. 186]. 1 марта архиепископ через настоятеля собора передал просительнице, что «дело не в прежних и теперешних архиереях, а есть закон, который мы нарушать не можем. Церковь выплачивает пенсии только священнослужителям, а остальные работники церкви, если они имеют на то право, получают пенсию через Собес. Просьба Жуковой отклоняется» [Там же, л. 187].

Пенсионерка Петро-Павловской, г. Куйбышева, церкви О. К. Ильичева сообщает архиепископу, что с декабря 1958 г. ей через бухгалтерию означенной церкви начали выдавать денежное пособие. «В январе 1959 г. мне было сказано, что будут выдавать мне до смерти по 200 р. в месяц. И вот прошел 1959 год. Я получала. С 1960 с января мне отказали. Я спросила почему? Отказали всем, кому оказывали помощь» [Там же, л. 209]. Последовала резолюция Преосвященного: «27/II-60 г. Через настоятеля Петро-Павловской церкви гор. Куйбышева объявить Ильичевой О. К., что никаких прав на получение пенсии от церкви она не имеет, и Приходской Совет поступил правильно, отказав ей в пособии, которое, в нарушение Советского законодательства, она до 1960 г. получала» [Там же, л. 210]. Сохранившиеся документы позволяют узнать количество пенсионеров, которым выплачивало пенсии Куйбышевское епархиальное управление. На 1 января 1958 г. таковых состояло 14 священников, 1 диакон, 3 псаломщика, 29 вдов духовенства и 2 сироты, всего 49 человек [Там же, д. 356, л. 1]. Общая сумма пенсий, выплаченных заштатному духовенству, вдовам и сиротам за 1957 г. исчислялась в 137 275 рублей. Кроме того, выплачивались и единовременные пособия, их сводная сумма составила 12 тысяч рублей [Там же].

Советское чиновничество, в конце 50-х гг. перешедшее в очередное наступление на РПЦ по всем позициям, в числе других уступок от церкви требовало полного исключения благотворительности. В конце 1959 г. «Давление Совета <по делам РПЦ> выражается также в повторных требованиях прекратить всякую благотворительность, даже выдачу дополнительных сумм к мизерным пенсиям священников» [3, с. 269].

В рамках общего режима отделения Церкви от государства абсолютно все клирики РПЦ были лишены прав на советское пенсионное обеспечение. Создание Пенсионного комитета и Пенсионного фонда Московской патриархии привело лишь к частичному решению проблемы. Репрессированные и выжившие клирики с подачи советских властей были лишены и церковных пенсий. Несмотря на возраставший постоянный прессинг совчиновников, Церковь в лице иерархических лиц и структурных единиц, так или иначе, помогала своим пастырям и членам их семей, оказавшимся в трудных условиях. Потребовалась почти треть века, чтобы была прекращена государственная дискриминация в отношении пенсионного обеспечения священноцерковнослужителей.

Список литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-617. Оп. 1.
2. Подмаритсин А. Г. Ульяновско-Мелекесская епархия при архиепископе Палладии (Шерстеникове) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41). Ч. I. С 118–121.
3. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
4. Самарский епархиальный архив (СЕА). Ф. 1. Оп. 1.11.
5. Чумаченко Т. А. Государство, Православная Церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 248 с.
6. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече; Лепта, 2010. 480 с.

CHURCH PENSION AND MONETARY PROVISION FOR THE OUT-OF-STAFF, REPPRESSED CLERGY AND MEMBERS OF THEIR FAMILIES IN POSTWAR PERIOD

Podmaritsyn Aleksei Gennad'evich, Ph. D. in History
Samara State University
algepod@yandex.ru

In the article the forms of monetary provision for the out-of-staff and repressed clergy, the members of their families in the post-war period on the part of the central and local institutions of the Russian Orthodox Church are analyzed. They are (un)official pensions, one-time, regular and permanent payments. Secular and church archival evidences, which show the sources, forms and size of monetary payments, are published for the first time. The groups of people, who received official and unofficial donation from church administrators, organizations and institutions, are specified.

Key words and phrases: the Russian Orthodox Church; the repressed clergy; church pensions; regional church history; the Middle Volga region.